

Археологический институт при Болгарской Академии наук является центральным научным учреждением, призванным руководить полевой и научно-исследовательской работой в области археологии Болгарии. С этой точки зрения, перед сборниками, выпускаемыми Болгарским археологическим институтом, стоят серьезные задачи, связанные прежде всего с идейно-теоретическим обобщением ценных археологических материалов, постановкой и решением важнейших проблем первобытно-общинной и рабовладельческой формаций, публикацией как новых, добытых последними раскопками материалов, так и находящихся в музеях и до сих пор еще не опубликованных.

Рецензируемый сборник свидетельствует о широком размахе полевых исследований в Болгарии и о существенной перестройке всей музейной работы. Основное внимание в статьях уделено не единичным, интересным с искусствоведческой точки зрения предметам, как это имело место раньше, а массовому археологическому материалу, характеризующему производительную деятельность людей в отдаленном прошлом. Большое внимание уделяется методике раскопок, вопросам стратиграфии, и научной публикации материала. В сборнике отразился расцвет музейного дела во многих городах Болгарии. Ряд опубликованных материалов добыт в результате раскопочной деятельности местных музеев. Еще в недавнем прошлом периферийные музеи Болгарии вели раскопки на средства и силами любителей; в настоящее время местные музеи финансируются народными советами, штат многих из них пополнился необходимыми научными кадрами, что сказалось на увеличении объема археологических работ и улучшении их качества.

Сборник состоит из трех разделов: в первом разделе помещено 10 статей по древней истории, в разделе «Археологические вести» дается краткий отчет об археологических раскопках, последний раздел сборника занимают рецензии и библиография.

Большинство статей посвящено публикации материалов последних раскопок. К ним следует отнести прежде всего статью Г. Георгиева и Н. Ангелова «Раскопки на селищната могила до Русе (г. Руцук) през 1948—1949 гг.». Верхние слои

¹ В данной рецензии освещены только статьи, касающиеся древней истории.

этого памятника относятся к римскому времени и латенской эпохе, более глубокие — к энеолиту (III—II тыс. до н. э.). Жилища периода энеолита состояли из прутьев, обмазанных глиной. Орудия труда изготовлялись из камня, рога, кремня, кости и меди. Интересны коллективные находки большого количества (около 40) кремневых ножей. Керамика представлена чрезвычайно богато: в слое римского времени встречены ребристые сосуды с высокой ручкой, некоторые из которых имели косо срезанные горла. Керамика нижнего слоя сделана от руки и украшена рельефным ручным орнаментом.

В неолитическом слое на различной глубине обнаружено 36 захоронений. В некоторых черепах заметны правильные четырехугольные отверстия, в других — отверстия неправильной формы. Черепа, по мнению авторов статьи, относятся к групповым захоронениям и принадлежат насильственно умерщвленным.

Население позднеэнеолитического поселения занималось рыболовством, охотой, земледелием, ткачеством; связи его с близкими и дальними соседями засвидетельствованы наличием изделий из мрамора (браслет), меди (орудия) и золота (кольцо), которых близ Рушукя нет.

Таким образом, Г. Георгиев и Н. Ангелов публикуют интереснейший материал. Однако примененный ими метод публикации по видам объектов (жилища, погребения, орудия труда и т. д.) встречает возражение. Несмотря на то, что во многих случаях указана глубина залегания того или иного предмета, у читателя не создается цельного впечатления о различных периодах жизни поселения, вследствие чего теряется исторический подход к изучаемому материалу. К тому же указание на глубину залегания памятника далеко не всегда определяет период, к которому он относится, ибо на одной и той же глубине могут находиться памятники разных эпох и периодов. Стратиграфический метод требует не только определения глубины залегания отдельных объектов, но и анализа последовательности слоев, отражающих различные периоды жизни поселения, города и т. д.

Статья Г. Георгиева и Н. Ангелова много выиграла бы, если бы опубликованный материал был более полно использован для выводов о социально-экономическом развитии поселения. Нельзя ли, например, исходя из размеров жилищ (11 × 7,5 м и 9 × 8,5 м), предположить, что в них совместно проживали члены одного рода или несколько семей, еще не выделившихся из рода? Известно, что позднее, в эпоху раннего железа жилища обычно были значительно меньше. Например, при раскопках 1923 г. поселения Кразани на Яломиде обнаружены жилища, тоже сделанные из ветвей и обмазанные глиной, но имеющие размер 2 × 2 м¹. Вероятно, в последних жила одна семья.

Факт находки большого количества орудий, притом не бывших в употреблении, возможно, указывает на существование родовой мастерской, изготовлявшей орудия не только для своих сородичей, но, быть может, и для обмена.

Статьи Кр. Миятева, С. Георгиевой и Ст. Станчева посвящены раскопки Кадыкёйского городища. Выбор объекта был непосредственно связан с пожеланием советских археологов — П. Н. Третьякова, Б. А. Рыбакова и А. В. Арциховского, которые в 1946 г. побывали в Болгарии и предложили вести совместные раскопки славянского поселения в северо-восточной Болгарии. Объектом для совместных работ было избрано Кадыкёйское городище, расположенное на берегу Дуная, между Тутраканом и Силистрией. Многие болгарские историки отождествляли это городище с тем новым «преславным» дворцом на Дунае, который якобы построил болгарский хан Омуртаг (IX в). Раскопки должны были решить вопрос о том, можно ли отождествлять Кадыкёйское городище с Омуртаговым дворцом. Кр. Миятев и Ст. Станчев в общем склонны дать отрицательный ответ на этот вопрос, хотя и не решают его окончательно: материалы раскопанного городища аналогичны находкам из древнеболгарских центров — Прослава и Плиски (типичная славянская керамика).

¹ V. Pârvan, *Getica, Memoriile sect. istorice*, сер. III, т. III, București, 1926, стр. 741.

Кадъкёйское городище дало интересный материал и для более ранних эпох: неолита, латена и поздней античности. О нем сообщает С. Георгиева в статье «Разкопки на объект S в горно градище при с. Кадъкёй». Материал неолитической эпохи представлен керамикой, орудиями из камня и кости. Анализируя керамический материал, автор polemизирует с В. Миковым, который, на основании сходства форм керамики в различных местах Болгарии (цилиндрические или грушевидные сосуды с одной ручкой, имеющей цилиндрический выступ), утверждает, что болгарские земли к югу от Стара Планина (Западные Балканы) в эпоху позднего неолита создавали не только культурную, но и этническую общность с западной частью Малой Азии¹. По мнению С. Георгиевой, которая в общем согласна с методикой Микова, материал раскопок расположенного в северной Болгарии Кадъкёйского городища дает основание говорить об этнической и культурной общности народов не только к югу от Стара Планина, но и до берегов Дуная. Насколько можно судить по приводимым С. Георгиевой данным, ее возражение Микову необоснованно, так как сосуды из Кадъкёйского городища не идентичны тем, о которых писал Миков. Однако возразить В. Микову, на наш взгляд, следовало бы не по частному вопросу, а в принципе: можно ли на основании распространения подобных или одинаковых форм керамики говорить об этнической общности населения?

Вопрос о том, можно ли рассматривать археологическую культуру как выражение этнической общности, является одним из самых сложных в археологии. В последнее время в советской историографии высказывается мнение, что одинаковые формы орудий могут появляться у различных народов в силу сходных трудовых процессов, географических особенностей и т. д. Наиболее верным признаком для установления этнической и вообще родовой общности в эпоху неолита считают орнаментацию сосудов². Хотя этот вопрос еще нельзя считать окончательно решенным, тем не менее не следует говорить об этнической общности, основываясь только на сходстве форм сосудов.

Материалы латенской эпохи представлены сосудами в форме урны, некоторые из которых имеют симметрично расположенные выступы. В позднеантичное время на плато находилась крепость и помещения для воинов.

В статье Т. Панаева «Разкопки в Nicopolis ad Istrum през 1945» публикуются интересные материалы раскопок одного из крупнейших античных городов на территории Болгарии — Никополя. Была раскопана часть кирпичной постройки (помещения А и Б) к югу от северной городской стены. Нижнюю часть помещения занимала отопительная система — *hypocaustum*. Теплый воздух поступал в отопительное помещение из отверстия в северной стене; все это помещение было занято рядами колонок (14 рядов, по 10 колонок в ряду), соединенными между собой сводом из кирпичей. В верхней части помещения обнаружено много тонких глиняных трубочек, которые были закреплены между кирпичами стены и ее облицовкой и представляли собой часть отопительной системы. Раскопками обнаружено, по видимому, помещение бани, о чем свидетельствует мраморная облицовка помещения А, желобки для стока воды, сделанные в пороге входа восточной стены, а также характер керамики, связанной с туалетом. Судя по монетам, помещение существовало в III—IV вв. нашей эры.

Другие статьи сборника представляют собой исследования богатых коллекций центрального и периферийных музеев Болгарии. Так, Ив. Галабов, используя собрание Бургасского музея, публикует архаическую статую из мрамора и коллекцию родосско-ионийской керамики из Аполлонии. Аналогии аполлонийской статуе автор находит в произведениях ионийско-милетской школы VI в. до н. э. и видит в этом доказательство связей между Аполлонией и метрополией, которые отразились в восприятии традиций ионийского искусства скульпторами Аполлонии. Но, в отличие от

¹ В. Миков, *Българските земи в края на неолитната епоха*, СГУ ИФФ, XLIII, 1946—1947.

² М. Е. Фосс, *Древнейшая история Севера европейской части СССР*, М., 1952, глава VI.

произведенный ионийско-милетской школы, в статуе из Аполлонии, как правильно подчеркивает автор, чувствуется грация и движение. Однако вряд ли можно говорить о влиянии ионийско-милетской школы на скульптуру Аполлонии в целом. Для милетско-самосской скульптуры второй половины VI в. характерна крайняя статичность в передаче человеческого тела и одежды. Обычно это сидящие статуи с канонизированным положением складок и позы. Самосские статуи стоящих людей VI в. просто производят впечатление спеленутых мумий. Аполлонийская же статуя сделана несравненно лучше, чем одновременные ей произведения из Самоса и Милета; все же автор прав, отмечая сходство публикуемой статуи со скульптурой из Тигани; последняя выгодно отличается от других статуй самосско-милетской школы — в ней больше чувствуется живое тело, свободнее лежат складки одежды и т. д. Возможно, скульптор, изваявший аполлонийскую статую, был подвержен влиянию наиболее прогрессивного течения в самосско-милетской школе, отошедшего от канонов милетской скульптуры VI века.

Во второй части статьи автор, основываясь на коллекции родосско-ионийской керамики из Бургасского музея, доказывает, что в конце VI в. Иония занимала первое место в керамическом импорте. В опубликованной коллекции имеется лишь один коринфский и один аттический сосуд.

Коллекция Бургасского музея безусловно представляет большой интерес, так как свидетельствует о роли ионийского экспорта в Западном Причерноморье в VI в. до н. э. и в значительной мере характеризует экономическую роль Ионии накануне греко-персидских войн. Картины значительного ионийского экспорта в VI в. дают и другие греческие города Западного Понта, например, богатые керамические комплексы из Истрии¹. Да и в Северном Причерноморье ионийские сосуды «составляют основную группу керамических находок нижних слоев»². Материал, опубликованный Галабовым, позволяет судить также о достаточно высоком уровне экономического развития фракийцев. Из греческих западнопонтских городов ионийская керамика проникла к фракийцам и служила одним из объектов торговли с греками. Появление у фракийцев в VI в. собственных бронзовых монет — «стрелок», которые найдены в больших количествах близ Аполлонии, само по себе свидетельствует о разложении первобытно-родового строя у фракийцев, хотя эти «стрелки» и использовались, вероятно, только для местной, внутрифракийской торговли.

В статье Л. О г н е в о й восстанавливается внешний вид фракийского шита IV в. до н. э., для чего автором привлечен археологический материал неизвестного до сего времени назначения из фракийских захоронений воинов IV в., а также изображения на аттических чернофигурных вазах.

Материалы музея в г. Сталин, характеризующие религиозные представления жителей древнего Одесса, использованы Г. Т о н ч е в ы м в статье «Принос към иконография на Великия бог на Одесос». В местном музее имеются терракотовые статуэтки из гробниц IV—III вв. до н. э., изображающие бородатое божество в венке из плюща или виноградных листьев, держащее рог изобилия и чашу. Аналогичное изображение на монетах Одесса II в. до н. э. названо *Θεός μέγας*. Это хтоническое божество изобилия, сходное с греческим Плутоном. Однако *Θεός μέγας* представлен в плющевом венке, являющемся главным атрибутом Диониса; появление венка объясняется влиянием фракийских религиозных верований.

Автор отмечает синкретизм греческих и фракийских элементов в религиозных представлениях жителей Одесса. То обстоятельство, что именно бог плодородия был главным богом Одесса, автор связывает с ролью торговли этого города, зависящей от плодородия внутренних областей.

Приведенный автором материал о религиозном синкретизме в дунайских областях и вообще о культурном влиянии фракийцев на греков западнопонтских городов

¹ M. L a m b r i n o, La céramique d'Histria, «Dacia», т. III—IV, 1933, стр. 362—377.

² Т. Н. Книпович, Танаис, М.—Л., 1949, стр. 8.

очень интересен. Ведь на несколько более поздних монетах Одесса, в конце II или в I в. до н. э., фракийский всадник теряет атрибут греческого божества — рог изобилия и изображается в своем первоначальном виде — с копьём в руке и со шлемом на голове. Это обстоятельство, возможно, следует ставить в связь с ростом фракийского влияния в греческих городах. На монетах Одесса последней четверти II в. изображено бордатовое божество с рогом изобилия и чашей, которое на монетах носило название Θεός μέγας. В надписи 238 г. это божество получает фракийское прозвище Δερζελατης. Одновременно проводились в честь этого божества игры — Δαρζαλεια¹.

Земледельческий характер главного божества Одесса вряд ли следует объяснять торговлей с окрестными земледельческими племенами, как это делает Тончев. Сам Одесс был земледельческой колонией, и большая часть его населения занималась земледелием².

Статья И. Венедиктова «Светилище при с. Лиляче», аналогично статье Г. Тончева, посвящена главным образом вопросу о характере религии на Балканах в античную эпоху. Фракийское святилище у с. Лиляче (Врачанская околия) датируется предримским и римским временем. Помимо обычных посвящений фракийскому божеству — Геросу, в святилище найдены стелы, изображающие фракийского Героса не с копьём, а с раздвоенным серпом — атрибутом римского Сильвана. Здесь же была обнаружена стела, изображающая Сильвана, держащего в руке вместо раздвоенного серпа копьё. Посвящениями являются фракийцы — легионеры и когорты различных воинских подразделений (XI Клавдиева, I Итальянского легионов, 2-й Аврелиевой алы и др.). В отмеченном явлении проявился, с одной стороны, процесс варваризации римской армии (ср. СІL, III, 7449; Ann. ép., 1901, № 13 и др.), а с другой стороны, слияние римских и местных элементов культуры, характерное для Римской империи этого времени вообще.

Религиозным представлениям фракийцев посвящена также статья Д. Дечева «Една семейна триада в религията на траките». Исходным пунктом рассуждений автора является мраморный рельеф, посвященный богам Збелсурду и Ямбадуле. Исходя из индоевропейских корней фракийского языка, автор доказывает, что Θεός Ζβελθουρδος является божеством «небесным», держащим молнию, а Ιαμβαδουλη является богиней земли, создающей пшеницу, полевые плоды, богатство, имущество.

Остановившись на вопросе о связи божеств — Збелтурда и Ямбадулы, которым совместно посвящен рельеф, автор считает, что дедикант исходил, очевидно, из того, что Збелтурд должен был оплодотворить землю дождем для того, чтобы она дала хороший урожай. Здесь бог неба и богиня земли выступают как супружеская пара. На ряде посвященных рельефов из Болгарии они изображаются совместно.

Второй раздел сборника «Археологические вести» знакомит читателя с отдельными археологическими находками и материалами раскопок. Так, например, сведения об энеолите в Болгарии дополняют раскопки так называемой Плоской могилы (Пловдивская околия). Здесь обнаружено жилище, каменные орудия, керамика и ручная мельница, вмазанная в пол жилища. Выяснен и погребальный обряд: в сосуде найдены обожженные человеческие кости и пепел.

Среди глиняных сосудов, найденных близ с. Згалева (Пловдивская околия) обращает на себя внимание глиняная чаша с полусферическим дном и отогнутым венчиком, богато украшенная штампованным орнаментом из треугольных листьев, розет и выпуклых кружков. Сосуд по орнаменту и форме напоминает так называемые «мегарские чаши», однако анализ глины свидетельствует о местном изготовлении ее.

При строительстве бани в с. Сепарева баня (Станкедимитровская околия) найден ряд посвященных плит II—IV вв. н. э., поставленных в честь Асклепия, Гигиен, Телесфора и нимф.

¹ В. Риск — К. Реглинг, Die antiken Münzen Nordgriechenlands, стр. 525.

² Т. В. Блаватская, Западно-понтийские города в VII—I вв. до н. э., М., 1952, стр. 118.

Во время раскопок святилища при с. Лиляче была вскрыта двухкамерная могила V—IV вв. до н. э. Во второй камере был найден сильно обожженный скелет коня, железная узда и наконечник копья.

Ив. Венедиктов в публикует интересный материал из собрания Народного археологического музея в Софии. Это — свинцовые шары для пращи с именами их изготовителей или же хозяев мастерской, где они были отлиты.

Т. Герасимов дает перечень случайных монетных находок. Большинство монет относится к эллинистическому времени и к III в. н. э. Размеры кладов III в. н. э. свидетельствуют о скоплении больших богатств в руках отдельных семей. Интересны варварские подражания тетрадрахам Филиппа, которые, очевидно, имели хождение во Фракии наряду с македонскими монетами, чеканными македонскими царями.

Представляет интерес помещенная в этом же разделе сборника информация о выставке (1951 г.) в отделе доклассового и раннеклассового общества в Народном археологическом музее. Если прежние выставки знакомили посетителей музея с отдельными, наиболее ценными с искусствоведческой точки зрения предметами, часто расставленными без хронологической последовательности, то уже выставка 1950 г., организованная в связи с научной сессией Болгарского археологического института, резко отличалась от предыдущих: материал был представлен по эпохам, большое внимание было уделено орудиям производства. На новой экспозиции материал отдела доклассового и раннеклассового общества расположен по археологическим периодам: палеолит, неолит, энеолит, бронза и железо. Главное внимание уделено орудиям труда, керамике, жилищам; охарактеризованы и религиозные представления людей.

В критико-библиографическом разделе рецензируются некоторые книги, в той или иной мере связанные с древней историей Болгарии. К сожалению, ряд книг по истории Болгарии древнего периода, упомянутых в библиографии, приложенной в конце журнала, остался не освещенным в сборнике, что указывает на необходимость расширения отдела критики и библиографии. Хочется видеть на страницах этого раздела рецензии на книги не только по болгарской тематике, но также и на те, которые поднимают общие принципиально важные вопросы древней истории; хотелось бы также, чтобы, критикуя новые книги, рецензенты выдвигали и свои положительные утверждения, чтобы критика носила более принципиальный характер и касалась основных положений концепций авторов рецензируемых работ.

В заключение следует отметить, что, несмотря на ряд весьма положительных явлений в работе Болгарского археологического института, большинство статей сборника ограничивается только публикацией материала и мало чем отличается от информации в разделе «Археологические вести». Хотя такого рода статьи безусловно являются необходимой составной частью сборника, вместе с тем совершенно необходимо сопровождать археологический материал историческими обобщениями и выводами. Те же статьи сборника, в которых даны исторические исследования и теоретические обобщения, связаны главным образом с изучением религиозных представлений древних фракийцев, которые, хотя и представляют определенный интерес, однако не должны превалять над остальной тематикой. Вопросы экономического развития Балканского полуострова в древнейшее время, социальные и производственные отношения, вопросы образования и развития государства у фракийских племен и ряд других остались вне тематики сборника и не заняли в нем должного места.